
Среди дня за дворами
пробился ручей из-под снега,
И грачиная стая,
кружась, опустилась на луг.
Я-то вёрсты свои
по нему ещё в детстве отбегал
Со слепыми дождями,
позднее уже – как пастух.

Эти светлые дали,
что тянутся прямо от дома,
И ракиты по поймам –
всё в сердце моём на века,
С тихой грустью полей
и со скирдами свежей соломы,
А над всем этим счастьем –
зовущие в высь облака.

Мне за ними ходить
по отавам родимого края,
После вьюг-завирух
умываться водой снеговой.
И родная земля, –
словно мама, такая родная,
Все просёлки и тропки
застелет травой-муравой.

Не сиротствуй, душа,
отягчённая вечной заботой!
Видишь: к жизни хорошей
находит дорогу ручей,
И от луга плывёт
величальная песня прилёта –
Не сиротствуй, душа,
поздравляя уставших грачей.

12 января 2017 г.

Гуси греются на соломе.
 Три ракитины у моста.
 Хорошо!
 И в отцовском доме
 Мне пожить бы годов до ста.

Как, допустим, мой дед Григорий:
 Жил в угоду своей судьбе,
 То без горя, то, глянет, горе,
 Как хозяйка, в его избе.

Жил, где всё для него родное;
 В хате – печь, а в печи – горшок.
 И будил его за стеною
 В ночи тёмные петушок.

В ночи тёмные, после святок,
 Если жуткий стоял мороз,
 У козы забирая козляток
 И за печку, погреться, нёс.

От войны – бобылём, без бабки;
 Светлой памятью той поры, –
 Как наследство нам, – прялки-тяпки
 И в зазубринах топоры.

Человек на земле – прохожий,
 Вот мой посох, а вот мешок.
 И меня будит песней той же
 В ночи тёмные петушок.

Поклоняясь земному веку,
 Отмеряя свои года,
 Слушать вечное «кукареку!»
 Не расхочется никогда.

Не мечтал я податься в греки,
 Счастья лёгкого не хочу;
 Где ещё я и в кои веки
 Жизнь такую заполучу?

Дорога недолгая наша –
 Из детства она до седин.
 Не живший без хлеба и каши
 Теперь своё поле не пашет –
 Он сам себе господин.

Имея такое же право,
 Угрозу я вижу извне.
 За родину и за державу,
 За предков великих славу
 Обидно сегодня мне.

Страна не туда завернула!..
 И, слыша железный хруст,
 Во дни рокового загула
 Забросил былинный Микула
 Соху за ракитовый куст.

Всё – быть, а похоже на сказку:
 В чермете мелькнула соха;
 Под нож проводили Савраску,
 Любившего сено и ласку,
 И вроде бы всё – без греха.

Не пашется поле, а надо,
 Паши, землепашец, паши!
 И будет тебе как награда –
 Томительная услада
 Крестьянской твоей души.

Я тоже из этой колоды,
 И вовсе не туз козырной,
 Но смог пересилить невзгоды,
 И все свои лучшие годы
 Я шёл со своею страной.

Дорога недолгая наша –
 Из детства она до седин.
 Не живший без хлеба и каши,
 Чего же ты землю не пашешь,
 Из новой страны господин?

Поле. Небо. Дома на взгорке –
Там, с обидой на весь народ,
Зарастает полынью горькой
Моей тётушки огород.

Глянешь: домики не убоги,
И совсем не глухие места.
По просёлку до царской дороги
И всего-то одна верста.

По преданию, наши предки
К ней бежали смотреть царей.
А у тётушкиной соседки
В огороде царит Пырей.

У соседа соседки – то же:
Там бесчинствует царь Осот....
Всяких дел на земле приумножив,
Мы достигли земных высот.

Из землянки да из каморки –
До космической высоты.
А дома на родном пригорке
И зимою, и летом пусты.

Эти залежи да излуки –
Всё владенья царей и цариц.
А умчались дети и внуки
На задворки родных столиц.

Там, тоскуя, поют и пляшут,
А, возможно, и без тоски.
Но не едут к ним и не пашут,
Как бы ни были им близки.

Не сказать, что совсем калеки,
Ещё хлебушек свой жуют.
Но, разбойники, в новом веке
Без царя в голове живут.

И не предки за всё в ответе,
Здесь прожили они не зря.
Плохо жить нам теперь на свете
И с царями, и без царя.

Вот и затихло совсем в предвечерии
царство моё васильковое.
Скоро над поймою месяц серебряный
снова повиснет подковою.

Там, в мироздании томном,
закрашенном синькой
густого небесного цвета,
Скоро проклюнутся крупные звёзды –
весёлым землянам
какая-то будет примета.

Тишь беспредельная!
Слышно – рукою подать:
на пропахшем медами просёлке
Сладкую дрёму пронесят
в ржаные поля перепёлки;
Слышно: по низу как росы
на спелые травы упали...

Вот оно, счастье!
Как долго по жизни суровой его мы искали!
Блудные дети,
куда нас от дома родного
щепой в половодье уносит?..

Вот оно, счастье!..
Сосед мой, не в меру колючий
и злой на работу, уже сенокосит.
Он по-родному вбивает в мозги мои
злое такое же, острое слово:

Что, мол, Россия извечно –
не дойная вовсе корова;
Что, мол, горластым,
не знавшим свинцовой купели,

Нам бы сегодня
поменьше валяться в постели,
Сиднем бы дни не просиживать
в доме отцовском впустую...

Это от предков сосед мой
усвоил науку простую;
Так и живёт он по ней –
и к стране, и к соседям сурово.

Месяц над ним, как на счастье,
серебряной виснет подковою.

Что мне сказать в одночасье
соседу-трудяге,
Если по крови, от предков,
мы будем совсем не бродяги.
Время кому-то желанное, но и несносное,
мне и друзьям моим – тоже.
Вот насмеются, ржут, словно лошади,
С телеэкранов – на нас не похожи;
Сутками – страшно подумать! –
в экстазе, заходятся в пляске;
Доят страну,
убивают родную,
растлили
от южных морей до Аляски...

Вот и затихло совсем в предвечерии
царство моё васильковое.
Месяц над поймой на счастье
серебряной виснет подковою –
Мне ли, соседу,
любимой ли женщине, другу?...
Вся наша жизнь – на земле или где-то –
в движении вечном, по кругу;
Все наши дни и часы, до секунды,
спрессованы в вечности плотно,
Пусть даже ты,
словно ветер над полем,
устал и прилёт на тропе безработной.
2 января 2017 г.

Орёл. Библиотека им. А.С. Пушкина. 2016 год.